

КЕВИН

СЭНДС

М &
Код
Блэкторна

ИСЧЕЗНУВШИЙ
АПТЕКАРЬ

Следуй за подсказками!..

Кевин Сэндс
Исчезнувший аптекарь
Серия «Код Блэкторна. Приключения
для подростков», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57064461

*Исчезнувший аптекарь:
ISBN 978-5-04-106549-2*

Аннотация

«Никому не рассказывай!» До этого загадочного предупреждения Кристофер Роу действительно был доволен своей жизнью ученика аптекаря. У него была крыша над головой, мастер Бенедикт Блэкторн учил его не только тому, как изготавливать средства от разных недугов, но и как разгадывать зашифрованные послания. Но всё изменилось, когда Лондон потрясла серия таинственных покушений... Почти всегда жертвы – аптекари! Кристофер чувствует, что его учитель в большой опасности, и у него мало времени, чтобы предотвратить катастрофу...

Содержание

Предупреждение:	5
Четверг, 28 мая 1663 года	6
Я нашёл рецепт!	6
Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	29
Глава 4	49
Пятница, 29 мая 1663 года	60
Глава 5	60
Глава 6	70
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Кевин Сэндс

Исчезнувший аптекарь

© Куклей А.Л., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Предупреждение:

Рецепты и лекарства, упомянутые в этой книге, когда-то применялись настоящими аптекарями. И есть причина, почему они больше не используются. Некоторые неверны, некоторые опасны, а некоторые просто-таки смертельны. Так что, как говорится: не пытайтесь повторить это дома. Серьёзно.

Четверг, 28 мая 1663 года

Праздник Вознесения Господня

Я нашёл рецепт!

Мастер Бенедикт сказал, что ничуть не удивлён. По его словам, за последние три года он несколько раз был уверен, что я наконец-то отыскал его. И тем не менее лишь за день до моего четырнадцатого дня рождения я осознал формулу так ясно, словно сам Господь нашептал мне её на ухо.

Мой учитель считает, что такие события следует помнить. Итак, как он и велел, я записал свою формулу. Учитель предложил название:

*Самая глупая идея во вселенной.
Принадлежит Кристоферу Роу,
ученику мастера Бенедикта
Блэкторна, аптекаря.*

Способ изготовления:

Суньте нос в личные записи вашего учителя. Возьмите рецепт, слова которого зашифрованы секретным кодом, и расшифруйте его. Затем украдите необходимые ингредиенты из запасов учителя. Наконец – и это самый важный шаг – ступайте к своему

лучшему другу, мальчику с твёрдым характером и слабыми мозгами, вроде ваших собственных. Скажите ему следующие слова: «Давай построим пушку».

Глава 1

– Давай построим пушку, – предложил я.

Том не слушал. Он был очень занят. Прикусив язык, он готовился к бою с чучелом чёрного медведя, которое возвышалось в переднем углу аптеки моего учителя. Том снял с себя льняную сорочку и героически швырнул её на чашки с сурьмой, поблескивающие на столике у огня. С ближайшей дубовой полки Том взял глазурованную крышку аптечной банки – где, согласно надписи на этикетке, содержалось средство от бородавок – и поднял её перед собой словно миниатюрный керамический щит. В правой руке угрожающе покачивалась скалка.

Том, сын пекаря Уильяма Бейли, был лучшим поддельным солдатом, какого я встречал. Хотя Том всего на два месяца старше меня, он уже на фут выше и сложен, как кузнец, – разве что немного полноват, поскольку постоянно таскает у отца пироги. И в лавке моего учителя, вдали от ужасов битв – вроде смертей, боли и нехороших слов – мужество Тома не имело себе равных.

Он впился взглядом в неподвижного медведя. Половые доски скрипнули, когда Том шагнул навстречу его зловеще изогнутым когтям. Том отодвинул в сторону шкаф-витрину (звякнули латунные весы) и приветственно вскинул вверх свою припорошенную мукой дубинку. Неподвижный зверь

безмолвно ревел и скалил длинные зубы, предвещавшие гибель. Ну, или, во всяком случае, несколько минут утомительной полировки.

Я сидел на прилавке, болтая ногами и постукивая пятками по резному кедру. Я умел быть терпеливым. Порой это необходимо, если общаешься с Томом, чьи мозги работают непредсказуемым образом.

– Думаешь, ты сумеешь украсть моих овец, мистер Медведь? – сказал он. – Ну так сегодня не жди пощады.

Внезапно Том остановился посреди выпада; скалка покачивалась у него в руке. Я почти видел, как в голове Тома крутятся колесики.

– погоди. Что? – Он озадаченно посмотрел на меня. – Что ты сказал?

– Давай построим пушку, – повторил я.

– В каком смысле?

– В прямом. Мы с тобой. Ну, знаешь... – Я взмахнул руками. – Бум-бум.

Том нахмурился.

– Мы не сможем это сделать.

– Почему нет?

– Потому что нельзя просто так взять и построить пушку, Кристофер. – Он проговорил это так, словно объяснял тупому ребёнку, почему не следует лизать огонь.

– Но откуда берутся пушки? – сказал я. – Их строят люди. Или ты думаешь, что Бог посылает их с небес на Великий

пост?

– Ты понимаешь, о чём я.

Я скрестил руки на груди.

– Не понимаю, почему моя идея тебя не вдохновляет.

– Может, потому, что твои рецепты всегда срываются криво?

– Какие ещё рецепты? О чём ты?

– О том «зелье силы», которое ты изобрёл. Я после него всю ночь блевал, – сообщил он.

Действительно. Глаза Тома были обведены тёмными кругами.

– А. Да. Прости. – Я поморщился. – Видимо, я добавил слишком много улиток. Нужно было класть меньше.

На самом деле нужно было просто немного меньше самого Тома.

– Не капризничай, – сказал я. – Иногда полезно очистить организм. Это приводит в порядок телесные жидкости.

– Меня устраивают мои телесные жидкости, какие они есть.

– Но на сей раз у меня и правда есть рецепт! – Я схватил пергамент, прислонённый к весам для монет, и помахал им. – Настоящий. От мастера Бенедикта.

– Как у пушки может быть рецепт?

– Не у пушки. У пороха.

Том замолчал. Он оглядел стоявшие вокруг банки – словно среди сотен зелий, трав и порошков, заполнявших лавку,

было лекарство, которое могло каким-то образом избавить его от моих идей.

– Это нарушение закона.

– Знать рецепт – не нарушение закона.

– А делать порох – нарушение.

Здесь Том был прав. Лишь мастера и лишь те из них, кто имел королевскую грамоту, имели право изготавливать порох. Я был далёк и от того, и от другого.

– И лорд Эшкомб сегодня рыщет по улицам, – прибавил Том.

Вот теперь и я задумался.

– Ты его видел?

Том кивнул.

– На Чипсайде, возле церкви. С ним были двое солдат.

– И как он выглядел?

– Сердито.

«Сердитый» – это именно то, что я себе представлял. Лорд Ричард Эшкомб, барон Чиллингем, был верным генералом короля Карла и эмиссаром Его Величества здесь, в Лондоне. В городе он охотился за бандой убийц. За последние четыре месяца пять человек нашли убитыми в своих домах. Каждого из них связали, пытали, а затем вспороли живот, оставив истекать кровью.

Трое из жертв были аптекарями, и каждый вечер в тених мне мерещились убийцы. Ходили слухи о культе демонопоклонников, которые вышли на охоту. Никто точно не знал,

что им надо, но приезд лорда Эшкомба означал, что король всерьёз намерен остановить их. Лорд Эшкомб был известен тем, что неуклонно боролся с врагами короны. Как правило – насаживая их головы на пики на городской площади.

Впрочем, нам не требовалось так уж осторожничать.

– Сюда лорд Эшкомб не придёт, – сказал я – столько же себе, сколько и Тому. – Мы ведь никого не убили. И не принадлежим ни к какому культу. Едва ли королевскому эмиссару зандобятся суппозитории, верно?

– А как насчёт твоего учителя? – спросил Том.

– Ему тоже не нужны суппозитории.

Том поморщился.

– Я имею в виду: он же скоро вернётся? Время обеда.

Это «время обеда» Том произнёс очень задумчиво.

– Мастер Бенедикт недавно купил новый травник Калпеллера, – сказал я. – Он в кофейне с Хью. Их не будет целую вечность.

Том прижал свой керамический щит к груди.

– Это плохая идея.

Я спрыгнул с прилавка и ухмыльнулся.

* * *

Чтобы быть аптекарем, нужно понимать: рецепт – это всё.

То, что мы делаем, не похоже на выпечку торта. Зелья, кремы, желе и порошки, которые изготавливает мастер Бе-

недикт – с моей помощью – требуют неимоверно тщательного обращения. Слишком маленькая ложка селитры, слишком большая щепотка аниса – и вместо нового лекарства от водянки выйдет бесполезная зелёная жижа.

Меж тем новые рецепты не падают с неба. Их нужно составить. Это занимает недели, месяцы, даже годы и требует напряжённой работы. И стоит целое состояние: ингредиенты, оборудование, уголь для разжигания огня, лёд для охлаждения ванны. Более того: это опасно. Горящий огонь. Расплавленные металлы. Эликсиры, которые сладко пахнут, но могут разесть тебе внутренности. Настои, которые выглядят безобидно, как вода, но испускают невидимые смертельные пары. Каждый новый эксперимент – игра с вашей жизнью. Вот потому-то работающая формула ценится дороже золота.

Если вы способны её прочитать.

↓M08→

11101210171032092819281314243212013001130910311

Том почесал щёку.

– Я думал, тут будет больше слов и всего такого.

– Это шифр, – объяснил я.

Он вздохнул.

– И зачем их всегда шифруют?

– Затем, что другие аптекари спят и видят, как бы украсть твои секреты. Когда у меня будет собственная лавка, – гордо сказал я, – я буду шифровать всё-всё. И никто не заберёт мои рецепты.

– Никому и не понадобятся твои рецепты. Разве что отравителям.

– Я уже извинился.

– Может, мастер Бенедикт зашифровал рецепт, потому что не хотел, чтобы кое-кто его прочёл? – сказал Том. – И под «кое-кем» я имею в виду тебя.

– Он обучает меня новым шифрам каждую неделю.

– А этому научил?

– Наверняка собирался.

– Кристофер...

– Но я уже и сам понял. Смотри. – Я указал на обозначение «M08». – Это заменяющий шифр. Каждые два числа обозначают одну букву. Тут говорится, как их менять. Начни с 08 и замени на «М». Потом считай дальше. Итак, 08 – это М, 09 – это Н, и так далее.

Я кивнул на стол, за которым работал.

А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З	И	Й	К	Л	М	Н	О	П	Р	С	Т	У	Ф	Х
Ц	Ч	Ш	Щ																		
28	29	30	31	32	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10	11	12					
13	14	15	16	17	18	19	20	21													
Ъ	Ы	Ь	Э	Ю	Я																
22	23	24	25	26	27																

Том перевёл взгляд с шифра на числа в верхней части страницы.

– Значит, если заменить цифры правильными буквами...

– Ты получишь текст.

Я перевернул пергамент и показал перевод, который сделал на обороте.

Порох

*Одна часть древесного угля. Одна часть серы.
Пять частей селитры. Растолочь по отдельности.
Смешать.*

Это мы и проделали. Мы расположились у большого стола, подальше от камина, приняв во внимание разумную мысль Тома, что порох и огонь не дружат. Том убрал со стола мерные ложки и взял с окна возле медведя ступки и пестики, а я снял с полок банки с ингредиентами.

Я измельчил древесный уголь. В воздухе плавали облака сажи, смешиваясь с насыщенным запахом сухих трав, свисающих со стропил. Том беспокойно поглядывал на входную дверь, опасаясь, не идёт ли учитель. Так или иначе, он занялся селитрой – разбивая кристаллы, которые походили на обычную соль. Сера и так была мелким жёлтым порошком, и пока Том смешивал ингредиенты, я нашёл в задней части лавки медную трубу, открытую с одного конца и запечатанную с другого. С помощью гвоздя я проковырял в запечатанном конце отверстие и вставил в него кусок шерстяного шнура пепельного цвета.

Том приподнял брови.

– У мастера Бенедикта есть пушечный фитиль?

– Мы используем его, чтобы освещать предметы издали, – объяснил я.

– Знаешь, – сказал Том, – вещи, которые надо освещать издалека, лучше вообще не освещать.

Получившаяся смесь выглядела вполне безобидно: просто мелкий чёрный порошок. Том насыпал его в открытый конец трубы. Ручей порошка перелился через край, и угольно-чёрные зёрна полетели на пол. Я утрамбовал порошок в трубе хлопковой ватой.

– Из чего сделаем ядро? – спросил Том.

В лавке мастера Бенедикта не нашлось ничего, что плотно прилегало бы к стенкам трубы. Лучшее, что я мог придумать, – горсть свинцовой дроби, которую мы использовали для изготовления стружки. Они проскрежетали по меди и с глухим «чпок» упали на ватную затычку.

Теперь нам требовалась мишень – и побыстрее. Мы и так долго провозились. И хотя я заверял Тома, что учитель не вернётся, его уходы и приходы никогда нельзя было предсказать с точностью.

– На улице стрелять не будем, – сказал Том.

Тут он был прав. Едва ли соседям понравится стайка свинцовых шариков, пролетающих через их гостиную. Чучело бобра на каминной полке выглядело соблазнительной мишенью, но мастер Бенедикт едва ли оценит войну с животными, украшавшими его лавку.

– Как насчёт этого? – спросил я. На потолке над камином висел небольшой железный котёл. – Можем пальнуть в дно.

Том отодвинул чашки с сурьмой, стоявшие на другом сто-

ле, и освободил место для котла. Я взял нашу пушку и прижал её к животу, чтобы удержать в устойчивом положении. Том оторвал кусок пергамента от нашего расшифрованного рецепта и поднёс к огню, а когда тот загорелся – поджёг фитиль. Искры зашипели, устремляясь к трубе, словно пылающие шершни. Том нырнул за прилавок и осторожно выглянул оттуда.

– Смотри... – сказал я.

Взрыв едва не оторвал мне уши. Я увидел вспышку пламени и клуб дыма, а затем труба дёрнулась, подавшись назад, и с силой разъярённого быка вдарила мне прямо промеж ног.

Глава 2

Я шлёпнулся на пол, как мешок с зерном. Пушка отскочила от половицы и откатилась в сторону, исходя дымом. Издалека я услышал голос.

– С тобой всё в порядке? – спросил он.

Я свернулся клубком, держась за промежность и борясь с тошнотой. Лавку заволокло дымом; словно бы сам воздух стал серым. Из туманной мглы возник Том, размахивая руками и кашляя.

– Кристофер? Ты в порядке?

– Уййяаа! – отозвался я.

Том обзрел лавку в поисках какого-нибудь лекарства, которое могло бы мне помочь. Но, увы, у нас не было фирменной обезболивающей припарки Блэкторна для интимных мест.

Внезапно Том повторил – каким-то придушенным голосом:

– Кристофер...

Я сощурился, глядя сквозь пелену дыма, и обнаружил проблему. Я оказался не единственным пострадавшим. Котёл, в который я так тщательно целился, не получил ни царапины. А вот у медведя в углу были все основания злиться. Первый же выстрел из нашей пушки раскрыл мех между задними лапами. Медведь ревел в безмолвной ярости, а его

соломенные кишки пучком свисали из живота.

Том прижал ладони к щекам.

– Твой учитель нас убьёт.

– погоди, – сказал я. Боль постепенно стихала, уступая место ужасу, скрутившему внутренности. – погоди. Это можно исправить.

– Как? У тебя в загашнике есть запасные медвежьи яйца?

Том ещё крепче стиснул щёки и застонал.

– Просто... дай подумать минутку, – сказал я.

И, разумеется, именно в этот момент мастер Бенедикт вернулся домой.

Он даже не успел войти внутрь – замер, как вкопанный, остановившись на пороге. Высокий – так что ему приходилось пригнуться, чтобы пройти в дверь, – учитель просто стоял на месте, сгорбившись, и длинные тёмные кудри его парика раскачивались на вечернем ветру. Своими длинными руками он прижимал к груди большую книгу в кожаном переплёте. Новый травник Калперера. Из-под тёмного бархатного камзола виднелся бордовый холщовый пояс шириной в фут, обёрнутый вокруг талии. На нём было множество кармашков, каждый не шире человеческого пальца. Из карманов торчали стеклянные флаконы, заткнутые пробками или запечатанные воском. С пояса свисали и мешочки со всякими полезностями – кремень и трут, пинцет, серебряная ложка с длинной ручкой. Мой учитель сам придумал этот пояс для того, чтобы носить ингредиенты и лекарства – по край-

ней мере, эти мне не нужно было тащить с собой, когда мы ходили домой к клиентам.

Мастер Бенедикт устался на медную пушку, которая, откатившись, замерла у его ног. Из неё всё ещё поднималась струйка дыма. Прищурившись, он перевёл взгляд с пушки на нас.

– Может, всё-таки войдём, Бенедикт? – раздался голос за его спиной. – Тут холодно.

Крупный мужчина протолкнулся мимо моего учителя и стряхнул пыль со своего плаща с меховой оторочкой. Это был Хью Коггсхолл. Пятнадцать лет назад он окончил обучение у Бенедикта Блэкторна. Теперь сам став мастером, Хью владел мастерской в соседнем приходе.

Он сморщил нос.

– Тут воняет, как... – Хью замолк, заметив меня и Тома. Приоткрыв рот, он покосился на моего учителя.

Двигаясь со всей возможной осторожностью, я оттолкнулся от пола и встал перед ним. Том стоял рядом со мной, неподвижный, как изваяние.

На лбу мастера Бенедикта вздулась тёмная вена. Когда он заговорил, его голос был холоднее льда.

– Кристофер?

Я судорожно сглотнул.

– Д-да, учитель?

– Что я пропустил? Войну?

– Нет, учитель.

– Может, диспут? Дискуссию о придворной политике? – Его слова источали сарказм. – Пуритане опять захватили парламент и свергли нашего недавно вернувшегося короля?

Моё лицо горело.

– Нет, учитель.

– Тогда, может быть, – процедил он сквозь зубы, – ты объяснишь мне, зачем, во имя Господа, вы застрелили моего медведя?

– Я не хотел, – сказал я. Том, стоявший рядом, энергично кивнул. – Это вышло случайно.

Мой ответ, казалось, разозлил учителя ещё сильнее.

– Ты целился в бобра, но промахнулся?

Не осмеливаясь говорить, я молча указал на котёл, всё ещё стоявший на столе у камина. Несколько секунд мастер Бенедикт молчал. Затем он проговорил:

– Вы стреляли свинцовыми пулями... в железный котёл... с расстояния шести футов?

Я посмотрел на Тома.

– Я... мы... да?

Учитель закрыл глаза и прижал руку ко лбу. Затем наклонился ближе.

– Томас, – проговорил он.

Том дрожал. Мне подумалось, что он вот-вот рухнет в обморок.

– Да, сэръ?

– Ступай домой.

– Да, сэр.

Том отступил, неуклюже кланяясь снова и снова. Он подхватил со стола свою сорочку и выскочил на улицу. Дверь захлопнулась за его спиной.

– Учитель ... – начал я.

– Закрой рот! – рявкнул он.

Я повиновался.

Абсолютно нормальное явление, когда ученик – в данном случае я – получает крепкую, от души, порку. Но за три года, что я прожил с мастером Бенедиктом, он ни разу меня не бил. Никогда. Это было настолько необычно, что я провёл целый год под его опекой, прежде чем понял: он действительно меня не ударит. Том, который каждый день ощущал на своей шкуре тяжёлую руку отца, полагал, что это несправедливо. Я же думал: более чем справедливо, учитывая, что свои первые одиннадцать лет я провёл в сиротском приюте при госпитале Христа, где воспитатели раздавали оплеухи, как конфеты на охоте за пасхальными яйцами.

Иногда мне хотелось, чтобы мастер Бенедикт ударил меня. Но вместо этого, если я делал что-то не так, он просто на меня смотрел. Его разочарование проникало внутрь, словно червь, погружаясь в самое сердце и оставаясь там.

Как сейчас.

– Я доверял тебе, Кристофер, – сказал он. – Каждый день. Доверял нашу лавку. Наш дом. И вот как ты к этому отнёсся? Я повесил голову.

– Я... я не думал...

– Это же очевидно! – вспыхнул мастер Бенедикт. – Пушка! Ты мог выжечь себе глаза. Трубу могло разорвать. А если бы ты действительно попал в котёл – и Господь, видать, правда благоволит к дуракам, потому что я не понимаю, как ты ухитрился промахнуться – я бы отскребал твои остатки от стен до самого Рождества. У тебя вообще нет мозгов?

– Простите, – промямлил я.

– И ты застрелил моего чёртова медведя.

Хью фыркнул.

– Не поощряй его, – сказал мастер Бенедикт. – Он и так мне прибавил седых волос.

Хью примирительно вскинул руки. Мастер Бенедикт обернулся ко мне.

– И если уж на то пошло, где ты взял порох? – спросил он.

– Я его сделал.

– Сделал?

Он, казалось, только что заметил банки на столе. Затем увидел пергамент с шифром, который мы с Томом оставили возле них. Мой учитель посмотрел на него, потом перевернул. Я не мог прочитать выражение его лица.

– Ты расшифровал это? – сказал он.

Я кивнул.

Хью взял из рук учителя листок и осмотрел его. Потом глянул на мастера Бенедикта. Казалось, будто между ними произошёл какой-то безмолвный разговор, но я не мог по-

нять, о чём они думают. Внезапно я ощутил надежду. Учитель всегда радовался, когда я удивлял его чем-то новым. Возможно, ему приятно, что я решил эту головоломку самостоятельно.

А может, и нет. Мастер Бенедикт ткнул костлявым пальцем мне в рёбра.

– Что ж, если уж ты испытал такой творческий порыв, я хочу, чтобы бы переписал рецепт своего сегодняшнего маленького приключения. Тридцать раз. А потом ещё тридцать раз – на латыни. Но сперва ты приберёшься в этой комнате. Положишь все вещи на свои места. И выскоблишь пол. Лавку, мастерскую и каждую ступеньку в этом доме. До самой крыши. Сегодня ночью.

До крыши?.. Вот теперь мне в самом деле захотелось плакать. Я понимал, что этим вечером точно был не на стороне ангелов, но ученики и так работали до изнеможения. Мой учитель, возможно, был добрее, чем любой другой мастер, которого я знал, но мои обязанности не изменились. У ученика день начинается ещё до шести утра. Он должен встать и подготовить лавку к открытию. Затем обслуживать покупателей, помогать учителю в мастерской, самостоятельно заниматься, учиться и так далее – до самого захода солнца. Потом ученик должен прибраться, приготовить ужин и вычистить лавку для завтрашнего дня. И лишь после этого он может лечь спать – на соломенный тюфяк, служащий ему постелью. Ученики отдыхают лишь по воскресеньям и в редкие празд-

ники. А сейчас был самый разгар двойного праздника: сегодня Вознесение, а завтра – День королевского дуба. Я мечтал об этом весь год!

Согласно документам об ученичестве, мастеру Бенедикту не разрешалось заставляя меня работать в праздники. С другой стороны, согласно тем же документам, мне не разрешалось красть его запасы, делать порох и стрелять в чучела чёрных медведей. Ни в каких медведей, по правде сказать. Поэтому я просто опустил плечи и сказал:

– Да, учитель.

* * *

Я вернул горшки и ингредиенты на полки. Мастер Бенедикт взял нашу пушку и спрятал её где-то в задней комнате, в мастерской. Следующие несколько минут я провёл, собирая вымазанные сажей свинцовые шарики, раскатившиеся по всем углам лавки. Это заставило меня задуматься, что делать с бедным медведем.

Мастер Бенедикт повесил за прилавком свой пояс с флаконами, ингредиентами и лекарствами и скрылся в задней части дома. Я перевёл взгляд с его пояса на медведя в углу. Если сшить вместе несколько кусков ткани и обернуть вокруг бёдер зверя...

– На твоём месте я не стал бы этого делать.

Хью сидел в кресле у камина, перелистывая новый трав-

ник моего учителя. Он заговорил, даже не подняв взгляд.

– Я не собирался использовать пояс, – сказал я. – Но нельзя же просто так его оставить. – Я подумал ещё немного. – Может, сделать ему штаны?

Хью покачал головой.

– Странный ты парень.

Я не успел ответить. Скрипнула дверь. Я почувствовал запах ещё прежде, чем посетитель вошёл, – гадостная помесь ароматической розовой воды и немытого человеческого тела.

Это был Натаниэль Стабб – аптекарь, владевший лавкой через две улицы отсюда. Стабб являлся портить наш воздух раз в неделю. Он приходил шпионить за своим главным конкурентом – если слово «конкурент» вообще было тут применимо. Это мы продавали настоящие лекарства. Он же зарабатывал, торгуя восточными-пилюлями-от-всех-болезней Стабба. Они, согласно листовкам, которые он клеил на каждом углу, лечили все хвори – от оспы до чумы. Насколько я могу судить, единственным реальным эффектом пилюль было уменьшение веса в мешочке для монет.

Тем не менее его клиенты покупали их горстями. Стабб носил свою прибыль на всеобщем обозрении. Тяжёлые, украшенные драгоценными камнями кольца, стискивающие его толстые пальцы. Серебряная трость с рукояткой в виде змеиной головы. Парчовый дублет, натянутый поверх блестящей шёлковой рубашки... Подол рубашки торчал из рас-

стёгнутой ширинки; вероятно это был последний крик моды. Но мне казалось, так Стабб больше похож на приходского дурачка.

Аптекарь махнул тростью в сторону Хью.

– Коггсхолл.

Хью кивнул в ответ.

– Где он? – спросил Стабб.

Хью ответил, опередив меня.

– Бенедикт занят.

Стабб поправил свой дублет и осмотрел лавку. Его взгляд, как обычно, задержался на полках за прилавком, где мы хранили самые ценные ингредиенты – вроде алмазной пыли и золотого порошка. Наконец он, казалось, заметил, что я стою рядом с ним.

– Ты ученик?

Сегодня был праздник, и я не надел синий фартук, какие носят все ученики. Ясно, что Стабб не знал наверняка, кто я: я ведь жил тут всего-навсего три года.

Я кивнул.

– Да, мастер Стабб.

– Тогда сходи за ним, – распорядился он.

Приказ Стабба поставил меня в тупик. Официально я должен был выполнять распоряжения только своего учителя. С другой стороны, проявление малейшего неуважения к другому мастеру может привести к большим неприятностям с гильдией аптекарей, а Стабб был не из тех людей, которым

стоило перечить. Тем не менее нечто в поведении Хью навело меня на мысль, что лучше бы Стаббу сегодня не встретиться с мастером Бенедиктом. И я допустил вторую ошибку за вечер: заколебался.

Стабб ударил меня.

Ударил тростью по голове. Я почувствовал резкую боль, когда серебряные змеиные клыки вонзились в мочку уха. Я повалился на шкаф-витрину и прижал руку к уху, вскрикнув от удивления и боли.

Стабб отёр трость об рукав своего дублета – словно прикосновение ко мне испачкало её.

– Я сказал: иди и позови его.

Лицо Хью потемнело.

– Ты же слышал меня: Бенедикт занят. И мальчик не твой.

Так что держи руки подальше от него.

На лице Стабба появилось раздражение.

– Мальчишка и не твой, Коггсхолл. Так что держи свои слова при себе.

Мастер Бенедикт появился в дверях за прилавком, вытирая руки тряпкой. Он оглядел всю сцену и нахмурился.

– Что тебе надо, Натаниэль?

– Ты слышал? – сказал Стабб. – Произошло ещё одно убийство. – Он улыбнулся. – Но, возможно, ты об этом уже знаешь.

Глава 3

Хью закрыл книгу, которую читал, заложив пальцем страницу. Мастер Бенедикт осторожно положил тряпку на прилавок и неторопливо расправил ее.

– Кого убили? – наконец спросил он.

«Ещё одного аптекаря», – подумал я, и моё сердце заколотилось. Но нет. На сей раз погиб кое-кто другой.

– Преподавателя из Кембриджа, – Стабб втыкал каждое слово в мастера Бенедикта, точно иглу. – Он снял в Ривердейле дом на лето. Его звали Пемброк.

Хью покосился на моего учителя.

– Его нашла прачка, – продолжал Стабб. – Кишки наружу, как и у всех прочих. Ты ведь знал этого человека, верно?

Стабб походил на кота, загнавшего в угол мышь. Казалось, он вот-вот замурлычет.

Мастер Бенедикт вернул ему спокойный взгляд.

– Кристофер.

Я?

– Иди вычисти голубятню, – сказал он.

Ну конечно! С чего бы мне хотеть остаться? Мне, разумеется, плевать на то, что человека, знавшего моего учителя, недавно убили. Но ученику не дозволяется спорить. Так что я просто ушёл, бурча себе под нос.

Первый этаж нашего дома состоял из двух помещений – оба отведены под бизнес моего учителя. В передней комнате находилась лавка, в задней – мастерская. Именно здесь три года назад я впервые узнал, что значит быть учеником.

Я не представлял, чего ожидать. В приюте госпиталя Христа старшие мальчишки любили насмеяться над младшими, рассказывая ужасы о жестоком обращении мастеров со своими учениками. «Это всё равно как сидеть в темнице Тауэра. Спать можно только два часа за ночь. Еда – половинка ломтика заплесневелого хлеба. И мастер будет бить тебя, если ты посмеешь смотреть ему в глаза».

Лицемерие мастера Бенедикта не прибавило мне спокойствия. Когда он вытащил меня из толпы мальчишек в экзаменационном зале для гильдии аптекарей, я решил, что мне достался худший учитель на свете. Его лицо не казалось злым, но он был так нелепо высок ростом. Он возвышался надо мной, и впору было представить, что я повстречал говорящую берёзу.

Истории мальчишек звучали в моей голове, когда я шёл за Бенедиктом в свой новый дом. Я весь трепетал. Мой новый дом... Всю жизнь я только и мечтал, как бы покинуть сиротский приют, но вот теперь, когда желание сбылось, мне стало невероятно страшно.

Под полуденным солнцем было душно и жарко. Груды навоза, забивающие стоки, испускали самое жуткое зловоние, какое помнил Лондон за последние несколько лет. Впрочем, я едва замечал это, погружённый в собственные мысли. Мастер Бенедикт, казалось, тоже думал о своём, едва обращая на меня внимание. Со второго этажа кто-то выплеснул в окно содержимое ночного горшка; по меньшей мере три пинты мочи вылилось на мостовую в паре сантиметров от его ног, но мастер Бенедикт даже не вздрогнул. Экипаж, запряжённый парой лошадей, едва не сбил его: металлические колёса простучали по булыжникам, лошади прошли так близко, что я почувствовал запах мускуса. Мастер Бенедикт замер на мгновение, а потом продолжал путь к лавке, словно прогуливаясь по Кларкенеуэлл-грин. Может, он и правда был деревом? Казалось, ничто не способно поколебать его спокойствие.

Я не мог сказать то же самое о себе. Мои внутренности скрутились в тугой узел, когда мастер Бенедикт открыл дверь в лавку. Над входом висела источённая непогодой дубовая доска, покачиваясь на двух серебряных цепочках. Надпись на ней гласила:

АПТЕКА БЛЭКТОРНА
СРЕДСТВА ОТ ВСЕХ ТЕЛЕСНЫХ НЕДУГОВ

Резные листья плюща, выкрашенные зелёной краской насыщенного оттенка мха, окружали ярко-красные буквы. Под ними нарисованный размашистыми золотыми мазками кра-

совался рог единорога – символ аптекарей.

Мастер Бенедикт провёл меня через парадную дверь и направился в мастерскую в задней части дома. Я вытягивал шею, осматривая лавку: чучела животных, шкафы-витрины, уставленные товарами полки ... Попав же в мастерскую, я просто замер на месте и широко распахнул глаза. Рабочие столы, полки, колченогие табуреты были сплошь уставлены сотнями аптечных банок, наполненных травами и порошками, жидкостями и мазями. Их окружало бесчисленное множество инструментов. Стеклянные сосуды разнообразных форм грелись над пламенем масляных горелок. Кипели жидкости, наполняя воздух странными запахами. Тут и там стояли кастрюли и котлы – большие и маленькие, железные, медные, оловянные. В углу гудела печь; из её огромного зева, шириной двенадцать футов и высотой четыре, исходили волны нестерпимого жара. В одном конце духовки пылало пламя, в другом – едва тлели угли. На трёх решётках готовились десятки зелий. Сама печь имела форму луковицы; её гладкие чёрные стенки, сужаясь кверху, соединялись с дымоходом. По свинцовой трубе пары устремлялись наружу, где их едкий запах смешивался с вонью мусора, навоза и отходов лондонских улиц.

Я стоял с разинутым ртом, пока мастер Бенедикт не сунул мне в руки чугунный горшок.

– Поставь воду кипятиться, – велел он.

Затем указал мне на табурет в торце центрального рабо-

чего стола. Рядом находилась задняя дверь, выведившая к небольшому заросшему травой клочку земли в переулке за домом. Передо мной стояли три пустые оловянные кружки и маленькая стеклянная банка, наполненная сотнями чёрных почкообразных семян – каждое размером с половину божьей коровки.

– Это дурман, – сказал мастер Бенедикт. – Изучи его и расскажи мне, что ты обнаружил.

Я неуверенно вынул из банки одно зёрнышко и покатал его между пальцами. Оно слегка пахло гнилыми помидорами. Я прикоснулся к нему кончиком языка. Вкус был не лучше запаха: горький, маслянистый, с пряным привкусом. Во рту тут же пересохло.

Я озвучил мастеру Бенедикту свои ощущения. Он кивнул.
– Хорошо. Теперь возьми три зерна, растолки их и положи в первую кружку. Затем шесть во вторую и десять в третью. Залей кипящей водой и дай остыть.

Я повиновался. Пока настой заваривался, он спросил:
– Ты знаешь, что такое астма?
– Да, мастер, – ответил я. – Некоторые дети в приюте ею болели. Однажды летом, когда в воздухе было много дыма и копоти, четыре мальчика умерли от неё в один день. Их лёгкие перестали работать, и они задохнулись. А воспитатели просто стояли и не знали, как им помочь.

– В небольших дозах, – сказал мастер Бенедикт, – дурман становится лекарством от астмы.

Он пододвинул ко мне первую кружку. Три раздавленных семечка лежали на дне, под слоем потемневшей воды. Пахло тухлятиной.

– Вот это – нормальная доза для человека обычного телосложения.

Мастер Бенедикт подтолкнул ко мне вторую кружку.

– Это количество дурмана вызовет ужасные галлюцинации, настоящие кошмары наяву. А когда они пройдут, человек будет страдать от боли ещё несколько дней.

Наконец он вручил мне последнюю кружку.

– А вот это убьёт тебя. Выпей – и через пять минут будешь мёртв.

Я уставился на кружку. Только что я собственноручно изготовил яд. Я ошалело взглянул на мастера Бенедикта и увидел, что он смотрит на меня в упор.

– Итак, скажи мне, – проговорил он, – что ты понял?

Я задумался. Очевидным ответом было: я узнал свойства семян дурмана и рецепты, которые можно из них сделать. Но испытующий взгляд мастера Бенедикта наводил на мысль, что он ждёт чего-то большего.

– Я в ответе за это, – сказал я.

Мастер Бенедикт приподнял брови.

– Да.

Он кивнул с довольным видом и обвёл рукой мастерскую – окружающие нас травы, масла и минералы.

– Эти ингредиенты – дары, данные нам Господом. Инстру-

менты для нашей торговли. Вот это-то ты и должен запомнить: они – всего лишь инструменты. Они могут лечить или убивать. Решает не сам инструмент, а сердце и руки того, кто им владеет. Из всего, чему я научу тебя, Кристофер, это самый важный урок. Ты понял?

Я кивнул, немного испуганный – и ошеломлённый – тем доверием, которое он мне оказал.

– Хорошо, – сказал он. – А теперь мы немного пройдемся, и ты получишь последний урок на сегодня.

Мастер Бенедикт сунул мне в руки тяжёлую кожаную сумку и обернул вокруг своей талии пояс со множеством стеклянных пузырьков. Я зачарованно смотрел на пояс, пока учитель вёл меня по улицам; кожаный ремень сумки врезался мне в плечо.

Мы с учителем пришли в особняк в северной части города. Для мальчика из госпиталя Христа он выглядел как королевский дворец. Облачённый в ливрею лакей впустил нас в широкий холл и попросил подождать. Я старался не таращиться на окружающие роскошества. Стены были затянуты атласной узорчатой тканью с золотой отделкой. Хрустальная люстра над головой переливалась в свете солнечных лучей, бивших сквозь кристально чистые окна. Роспись на потолке изображала лошадей, скачущих между деревьями, под безоблачным лазурным небом...

Наконец появилась круглолицая горничная и повела нас по изогнутой мраморной лестнице – в гостиную. Там жда-

ла женщина средних лет, одетая в жёлтый лиф с низким вырезом поверх ярко-оранжевого люстринового платья, украшенного цветами. Подол платья чуть приподнимался, выставляя на обозрение изумрудно-зелёную нижнюю юбку. Она лежала, раскинувшись на обитой лиловым бархатом кушетке и ела вишни из серебряной миски.

Женщина выплюнула вишнёвую косточку и нахмурила высокий лоб.

– Мистер Блэкторн, вы жестоки. Я исстрадалась, ожидая вас.

Мастер Бенедикт слегка поклонился. А затем заорал – так что я подскочил на месте:

– Прошу простить меня за задержку, леди Люсия. Позвольте представить вам Кристофера.

Он сделал шаг в сторону. Леди Люсия критически посмотрела на меня.

– Не слишком ли ты молод, чтобы быть аптекарем, а?

– Нет, миледи. В смысле: да, миледи, – я запнулся. – Я ученик.

Она вскинула брови.

– Починить? Во имя всего святого, что ты собираешься чинить, мальчик?

Я покосился на мастера Бенедикта, но тот стоял с непроницаемым лицом. Тогда я попробовал снова – на сей раз заорав так же, как он.

– Я – ученик.

– А! Ну и почему было сразу не сказать? Тогда займись делом. Спину словно дьявол разрывает.

Горничная принялась распускать шнурки лифа своей хозяйки. Ошеломлённый, я поспешно отвернулся.

– Не будь смешным, – сказала леди Люсия.

Она повернулась спиной, прижимая шёлковую ткань к груди, а горничная расшнуровала лиф. Кожа вдоль всего позвоночника была красной и шершавой. Она выглядела так, словно невыносимо зудела.

Я снова посмотрел на мастера Бенедикта, не зная, что должен делать. Он кивнул на кожаную сумку. Я заглянул внутрь и увидел массивную керамическую банку с широким горлом, заткнутым пробкой. Вытащив её, я невольно отшатнулся. Внутри была густая тёмно-коричневая мазь, похожая на то, чем ребёнок пачкает пелёнки. И пахла она так же.

– Нанеси слой мази на спину, – негромко сказал мастер Бенедикт. – Достаточно толстый, чтобы покрыть сыпь, но не больше.

Я вздрогнул, сунув пальцы в слизь. И помолился, чтобы она была не тем, чем казалась. Затем я ладонью размазал её по спине леди Люсии. К моему удивлению, она не только не жаловалась на запах, но и вздохнула с облегчением, когда слизь покрыла её кожу.

– Намного лучше. Спасибо, мистер Блэкторн.

– Мы вернёмся завтра, мэ, – прокричал он, и горничная проводила нас.

Я положил банку обратно в сумку и увидел на дне сложенную шерстяную тряпку. Я достал её и попытался получше стереть с пальцев коричневую жижу.

– Итак? – спросил мастер Бенедикт. – Что ты выучил сегодня?

Я ответил, не задумавшись:

– Надо всегда носить с собой вату, чтобы заткнуть нос.

Тут же я понял, как это прозвучало, и съёжился, ожидая, что мастер Бенедикт даст мне затрещину. Именно так поступили бы воспитатели в приюте госпиталя Христа.

Вместо этого он моргнул и, откинув голову назад, разразился добродушным густым смехом. И вот тогда – помню – я в первый раз подумал, что со мной всё будет хорошо.

– В самом деле! – сказал мастер Бенедикт. – Ну, если тебе это показалось ужасным, подожди до завтрашнего урока. – Он ухмыльнулся. – Ладно, Кристофер. Пойдём-ка домой.

* * *

Я узнал ещё больше на следующий день. И на следующий. День за днём я учился чему-то новому. Прежде я думал, что быть аптекарем – это значит работать в лавке и там будет моё место. Но настоящим моим домом стала мастерская. Здесь мастер Бенедикт показал мне, как изготовить электуарий из корня алтея и мёда – для облечения боли в горле; как размолоть ивовую кору и сделать из неё обезболивающий на-

стой; как надо в течение четырёх месяцев смешивать шестьдесят четыре ингредиента для венецианской патоки – предотваяя от змеиных укусов. Он раскрыл мне свои секретные рецепты и коды для их расшифровки. В этой комнате я обрёл своё будущее, творя чудеса, дарованные нам Господом.

Иногда творя, во всяком случае. Сегодня же, всё, что у меня было – немного зерна, ведро и скребок.

Дверь напротив гигантской печи вела на верхние этажи. Крутые лестницы были такими старыми, что при каждом шаге ступени визжали, как испуганный осёл. На втором этаже располагались кухня – небольшая, но пригодная для дела – и кладовка, где хранились пара буханок хлеба, круг сыра, немного копчёной рыбы и пара бочонков эля. Остальные комнаты были набиты припасами для мастерской.

Часть третьего этажа тоже служила хранилищем – но хранилищем иного рода. Мастер Бенедикт обожал книги. Единственное, что можно было сравнить с его одержимостью новыми рецептами – страсть к новым книгам. Он привил её и мне. Мастер Бенедикт ожидал, что помимо наших ежедневных уроков я буду заниматься и самостоятельно – и изучать не только взаимовлияние ингредиентов, но и быстро растущую коллекцию томов. Из них я почерпнул знания по философии, истории, теологии, естественным наукам и многое другое, что пленяло воображение моего учителя во время еженедельных поездок к его другу Исааку, книготорговцу.

С верхней лестничной площадки можно было попасть в

личные комнаты мастера Бенедикта. Книги стояли и здесь; полки на стенах делали коридор таким узким, что приходилось прижиматься к перилам, чтобы добраться до двери.

Напротив комнаты моего учителя находилась лестница, ведущая к люку в потолке. Я открыл его и выбрался наружу, в зябкий вечер.

Крыша дома была плоской. Мне нравилось приходить сюда жаркими летними ночами, когда воздух был прохладнее, чем внизу, и не таким смрадным, как на улицах. К сожалению, сегодня вечером ждать пощады не приходилось. Ветер дул с севера-востока, неся с собой вонь варёного жира и мочи из лавки мыловара в четырёх улицах от нас.

Наши птицы жили в лёгкой клетке, сделанной из проволоки и деревянных рам и стоявшей в южном углу крыши. Они шумно забили крыльями, когда я откинул крючок, запирающий дверь, и вошёл внутрь. Самые смелые поклевали рукава моей рубашки, но быстро потеряли интерес, увидев, что я принёс пустое ведро. Упитанная голубка крапчатого окраса слетела с насеста и потыкала клювом пальцы моих ног.

– Привет, Бриджит, – сказал я.

Она заворковала. Я положил скребок на грязный пол и взял её в руки. Птица была тёплой, с мягкими перьями.

– Меня выставили, – пожаловался я. – Опять.

Бриджит сочувственно прижалась головой к моему большому пальцу. Я посадил её на сгиб локтя и вынул из кармана горсть ячменя, рассеянно наблюдая, как она клюёт зер-

но с моей ладони. Я по-прежнему раздумывал о разговоре, из-за которого меня выгнали из комнаты. Стабб всегда был скользким типом, но сегодня, после этого нового убийства, он осматривал нашу лавку каким-то особым взглядом, от которого в животе у меня всё сжималось. Ни для кого не было секретом, что бизнес моего учителя процветает. И ни для кого не было секретом, что Стабб не любит конкуренцию. Несколько лет назад он уже пытался купить нашу лавку, и, когда мастер Бенедикт отказал, Стабб обвинил его в краже рецептов. Никто не воспринял это всерьёз, но сегодня я поневоле задумался: сколь далеко может зайти человек, подобный Стаббу, чтобы получить желаемое?

И зачем он пришёл? Почему так вызывающе говорил об убийствах? Знает ли он что-нибудь о культуре? Насчитывалось уже шесть жертв, трое из них были аптекарями, а последний погибший знал моего учителя. «Что-то близится, – подумал я. – Затягивается, как петля...»

Я вздрогнул, но не от холода. Там, внизу, говорят о важных вещах, а я застрял на крыше! Да, мастер Бенедикт мог отослать меня, раз уж он того желал. Но если я закончу свою работу здесь, то останется только вернуться в мастерскую.

– И если я случайно что-то услышу, – сказал я Бриджит, – это будет не моя вина. Верно?

Бриджит молчала. Я принял это как знак согласия и взялся за дело. Пол клетки был покрыт толстым слоем серовато-белой грязи. Бриджит, перебираясь с одного моего плеча

на другое, пощипывала волосы за ушами, пока я соскребал с пола голубиный помёт и кидал его в ведро. Закончив, я отцепил Бриджит от своего воротника и посадил на насест в глубине клетки, подальше от сквозняков. Там ей будет тепло и уютно.

– Утром принесу тебе завтрак, – сказал я.

Она наклонила ко мне голову, попрощавшись.

* * *

Мы держали птиц не для забавы. Голубиный помёт – нужная вещь. Иногда мы продавали его огородникам: он полезен для выращивания спаржи. Но ещё мы делали из него нечто более ценное, чем удобрение.

Вернувшись в мастерскую, я распечатал бочку в углу. От зловония, ударившего в ноздри, я едва не потерял сознание. Зажав рот и нос, я кинул в бочку содержимое ведра, а потом расстегнул ширинку и помочился сверху – ещё одна обязанность ученика. Затем я вновь запечатал бочку. Она простоит так месяца три, а потом я вытряхну гадкое месиво, разложу его на поддоны и выставлю на солнце. И там, высохнув, оно превратится в колючие белые кристаллы селитры.

Управившись с этим делом, я подкрался к двери и приложил к ней ухо, понимая, что разговор мог давно закончиться. Но о чём бы они ни беседовали, это было, похоже, важно. Стабб до сих пор не ушёл. И, когда он говорил, его голос

почти срывался на крик.

– Близятся перемены, Бенедикт, – сказал Стабб. – И на сей раз тебе нужно быть на правильной стороне.

– Я не выбираю сторону, Натаниэль, – отозвался мой учитель. – Эти свары мне не интересны.

– Тогда, может, заинтересует золото? Имея нужные связи и поддержку, мы могли бы сколотить целое состояние...

– Деньги – тоже не аргумент, – сказал мастер Бенедикт. – Я не буду в этом участвовать. Ты пришёл не к тому человеку.

Стабб фыркнул.

– Давай, притворяйся, если желаешь. Так или иначе, тебе придётся выбрать.

Повисла пауза.

– Ты мне угрожаешь? – спросил учитель.

Голос Стабба стал сладким, как патока.

– Нет, конечно, Бенедикт. В конце концов, какое отношение я могу иметь к этому грязному делу? Никакого. Ровным счётом никакого.

Я услышал тяжёлые шаги Стабба, затем скрип и стук входной двери. На мгновение наступила тишина. А затем раздался голос Хью – такой тихий, что мне пришлось изо всех сил прижать ухо к двери, чтобы разобрать слова.

– Что же нам теперь делать?

– Соблюдать осторожность, – ответил мастер Бенедикт.

– А если Пемброк всё рассказал?

– Он бы не поступил так.

– Мало кто может молчать под пытками, – заметил Хью.

– Да, но в любом случае Натаниэль ничего не знает наверняка. Он просто предполагает.

– Чертовски хорошее предположение.

– Стабб – не проблема, – отозвался мастер Бенедикт. –

Кого надо остерегаться, так это ученика.

Я похолодел. Какого ученика? О чём он?

– В трёх случаях из шести они попали в точку, – сказал Хью. – Мы уже не можем убеждать себя, что это просто совпадение. Если Стабб сумел догадаться, догадаются и другие – тут только вопрос времени. Саймон уже сбежал из города.

– Куда?

– Во Францию. В Париж, вероятно. Он больше не желает иметь с нами ничего общего.

Вновь последовала пауза.

– Ты тоже хочешь уехать?

– Ты ведь знаешь, что не уеду, – сказал Хью. – Но так не может продолжаться вечно. Тут Стабб был прав. Нам придётся сделать выбор. В ближайшее время.

Мастер Бенедикт вздохнул.

– Я знаю.

* * *

Когда мой учитель открыл дверь в мастерскую, я сделал вид, будто только что закончил с бочкой.

– Боюсь, мы сегодня не сможем вместе поужинать, – сказал он. – Мне нужно уйти.

Ничего необычного. Учитель часто уходил из дома по вечерам и возвращался поздно, когда я уже спал.

– Да, мастер.

Он уловил надлом в моем голосе.

– Что случилось? Ты расстроился из-за сегодняшней истории? Иди сюда.

Учитель обнял меня за плечи.

– Мне жаль, что пришлось поступить с тобой сурово, но видит Бог, Кристофер, порой ты заставляешь меня гадать: будет ли ещё аптека стоять на своём месте, когда я вернусь домой. Нужно думать головой, прежде чем действовать.

– Я знаю, мастер. Вы правы. И я расстроился не из-за этого. Хотя мне и не улыбается драить полы.

– Тогда в чём дело?

– Чего хотел Стабб? – спросил я.

– Мастер Стабб, – мягко поправил учитель. – Того же, чего и всегда. Лёгких денег.

– Тогда почему он говорил об убийствах?

– А! Так вот что тебя тревожит.

Теперь, когда я наконец произнёс эти слова вслух, все остальные тоже потекли из меня, несясь бурным потоком, как Темза после весенней оттепели.

– Где-то здесь есть последователи культа, и никто не может остановить их. Том думает, что это католики, а его мать

– что пуритане, но я считаю: тут что-то гораздо худшее, чем те и другие. Даже сам король напуган. И вы знали последнюю жертву. И они убивают аптекарей.

Я перевёл дыхание.

– И что ж с того? – спросил мастер Бенедикт.

– Ну... мы аптекари.

– Мы? – удивлённо переспросил он. – Стало быть, «мы».

Как это мило с нашей стороны.

– Вы, мастер.

Он мягко рассмеялся.

– Не бери в голову эти убийства, мальчик. У страха глаза велики. Нет никакого культа. А Натаниэль Стабб безвреден.

«Но он угрожал вам!» – чуть не крикнул я, но успел сообразить: учитель поймет, что я подслушивал. Я мучительно подбирал слова и наконец выдал:

– Так мы в безопасности?

– Как королевские бриджи, – сказал он. – А теперь успокойся. Мне ничего не грозит. И до тех пор, пока ты не станешь делать огнестрельное оружие – тебе тоже. Всё будет в порядке. – Мастер Бенедикт похлопал меня по плечу. – Я обещаю.

* * *

Мне хотелось верить ему – особенно в том, что никакого культа нет. Однако не верилось. То есть кто-то ведь убил тех

бедных людей. И если это не культ демонопоклонников, тогда что?

Ещё меня очень обеспокоили слова Хью: «В трёх случаях из шести они попали в точку. Мы уже не можем убеждать себя, что это просто совпадение». Что это значит? Ясно, что ничего хорошего. И в чём бы там ни было дело, явно никто не собирался рассказывать об этом мне. Если я хочу узнать больше, снова придётся подслушивать.

В любом случае, нынче вечером я ничего не мог с этим поделать. Я отрезал ломоть от круга сыра и налил себе кружку пива. После ужина я выполнял задание мастера, данное мне в наказание, – переписывал рецепт на английском и на латыни, пока у меня не свело руку. Затем я вымыл полы и лестницы – до самой крыши. Когда я закончил, было уже три часа ночи. Я запер входную дверь, закрыл окна, забрался под прилавок – на мягкую солому, служившую мне постелью, – и быстро уснул.

Меня разбудил шум. Сперва показалось, что он доносится с улицы. Затем я снова услышал его – за прилавком. Керамическая банка стукнула о полку.

Я запер входную дверь перед тем, как лечь спать. Заднюю я не закрыл на засов, чтобы мастер Бенедикт мог войти, но она тоже была заперта, и лишь мы с учителем знали, где спрятан ключ. Вдобавок мастер Бенедикт всегда возвращался через мастерскую и шёл прямо наверх, не заходя в лавку.

Меж тем шум повторился: шаги и лёгкий скрип половиц.

Здесь кто-то был.

Глава 4

Я сунул руку под солому, нащупывая нож. Сердце колотилось о рёбра. План! Мне нужен был план.

В голову пришло сразу несколько. Можно было выпрыгнуть и ошеломить незваных гостей. Можно было убежать и позвать на помощь. Или же можно было остаться на месте и обмочиться.

Я всерьёз раздумывал над третьим вариантом. Но если бы это был грабитель, он обошёл бы прилавок – самые ценные лекарства у нас хранились здесь, на полках, в нескольких футах над моей головой. А если это последователи культа... Я стиснул свой нож, словно Эскалибур. На самом деле это был двухдюймовый клинок, разболтавшийся в рукояти и тупой, как жернов. Я с трудом резал им яблоки.

Поднявшись на колени, я выглянул из-за прилавка. Угли в камине ещё слегка мерцали. Я не видел злоумышленника, зато в тусклом красном свете разглядел на стене его тень.

Огромную тень!

Он был гигантом. Невероятно, невозможно высоким!

Ладно. Тогда, стало быть, схватка отменяется. И намочить штаны – тоже не вариант. Значит, остаётся одно: выбежать в заднюю комнату, открыть дверь, выскочить на улицу и завизжать, как девица.

Только вот как же мастер Бенедикт? Что если он уже до-

ма? Я не мог просто бросить его.

Гигант отошёл от полок. Он нёс керамическую банку, с трудом удерживая её в руках. Постанывая и кряхтя, он с грохотом опустил банку на стол возле камина. Теперь, когда незваный гость подошёл ближе к красноватым углям, я сумел лучше разглядеть его. Он вовсе не был гигантом. Да, высоким, но всё-таки человеческих размеров. И, хотя тень его выглядела широкой, сам он оказался довольно худым. Собственно говоря, он очень и очень походил на моего...

– Учитель? – спросил я.

Мастер Бенедикт привалился к столу.

– Да. Ложись спать.

Ещё чего! Мое сердце бухало, как пушки Его Величества. Что он делает с этой банкой посреди ночи?

– С вами всё в порядке? – спросил я.

– Да, Кристофер, я в порядке. Спи дальше.

Я подошёл к камину и от углей запалил фитиль лампы. Когда же вспыхнул свет, я чуть не выронил её.

Мастер Бенедикт выглядел так, словно побывал на войне. Его парик исчез, короткие седые волосы были растрёпанными и грязными. Одежда тоже перепачкалась. Правая сторона лица вымазана чем-то чёрным, похожим на сажу.

– Кто-то напал на вас? – спросил я. – Это был Стабб? – Я подался назад. – Или последователи культа?..

– Нет. – Он попытался отвернуться. Его движения были неловкими, скованными.

Я взял его за руку.

– Позвольте мне помочь вам.

– Со мной всё в порядке, – повторил учитель.

– Пожалуйста, мастер. Позвольте мне отвести вас в комнату.

Помедлив мгновение, он кивнул. Я закинул его правую руку себе за шею, подпирая учителя своим телом. Он вскрикнул от боли. И тут я увидел, что камзол его порван на плече.

Я повёл его через заднюю комнату наверх, освещая путь лампой. Мастер Бенедикт навалился на меня всем весом и словно бы становился тяжелее с каждой новой ступенькой. Я толкнул бедром дверь комнаты, и мы вошли внутрь.

В спальне учителя пахло египетским ладаном. У одной стены, рядом с камином, помещалась узкая кровать с простынями из небелёного хлопка и единственной подушкой. Рядом с ней стоял простой стол; под одной его ножкой, которая была короче остальных, лежал сложенный кусок овчины. Ночной горшок стоял на стуле из резного розового вяза. Подоконник раскрытого окна был завален бумагами и засыпан тонким пеплом сгоревших благовоний. Ночной ветерок сдувал его. Остальное свободное пространство занимали книги. Стопки, стопки, стопки. В каждой – не меньше дюжины томов. Похоже, книготорговец Исаак просто-таки купается в золоте.

Я протащил учителя мимо этих стопок к кровати и уло-

жил – как мог осторожно. Пару секунд я смотрел на него, не представляя, что делать. «Мастер Бенедикт учил тебя этому. Ты готов», – наконец сказал я себе – и лишь тогда немного успокоился.

От пламени своей лампы я зажёл фонарь на столе, закрыл ставни и поворошил гаснущие угли в камине, чтобы они дали немного тепла. Затем я осмотрел учителя. Поначалу я думал, что его камзол порван, но теперь, когда было светлее, я увидел, что он обгорел. Шерсть обуглилась, а кожа на плече мастера Бенедикта почернела. Моё сердце тоже запылало яростью – к тому, кто причинил учителю боль.

– Отдохните, мастер, – сказал я и кинулся вниз, пытаюсь вспомнить всё, что учитель рассказывал мне о лечении ожогов.

Я притащил в комнату два ведра воды. Потом снова вернулся в мастерскую и принялся искать на полках нужные лекарства. Одно из них – мазь из серебряного порошка – было в той самой банке, которую учитель снял с полки, пока я спал. Я взял банки в охапку, прихватил маленький жестяной горшок с водой и кружку, а затем вновь поднялся наверх.

Мастер Бенедикт лежал на подушке, глубоко дыша. Он наблюдал, как я ставлю на огонь горшок и выстраиваю банки в ряд на столе. Я начал снимать с него камзол, но, когда взялся за повреждённую руку, мастер Бенедикт вздрогнул от боли. Пришлось использовать нож, чтобы разрезать камзол по швам. В любом случае, он был испорчен и годился только

на тряпки.

Я с облегчением увидел, что, хотя кожа на плече была покрыта волдырями, учитель обгорел не сильно. Я смыл сажу с его плеча и лица. Потом вынул из банки сушёный мак и кинул его в кипящую воду, а через минуту налил отвар в кружку. Мак был лучшим обезболивающим средством, какое Бог подарил миру, и вдобавок отвар действовал как снотворное.

Мастер Бенедикт потягивал его, пока я работал. Я смазал плечо серебряным кремом, чтобы плоть не загнила. Затем я обернул вокруг него ткань, завязал её под мышкой и снял с учителя то, что осталось от грязной одежды.

Он выглядел очень хрупким. Мастер Бенедикт никогда не казался мне старым, но сегодня вечером я словно увидел все его годы; кожа и кости несли на себе отпечаток прожитых лет. Так или иначе, он был цел и невредим. Лишь ладони оказались ссажены. Это не походило на ожоги, так что я смазал руки мастера соком алоэ и забинтовал, как и плечо.

– Ты многое выучил, – тихо сказал он.

Я зарделся, чувствуя смущение и гордость.

– Спасибо, мастер.

Учитель снова заговорил, но его голос прервался. Глаза покраснели и наполнились слезами. У меня заныло сердце. Никогда прежде я не видел, чтобы мастер Бенедикт плакал.

– Я могу ещё что-то для вас сделать?

Протянув руку, учитель коснулся кончиками пальцев моей щеки.

– Ты хороший мальчик, – проговорил он.

Я не знал, что сказать – просто наклонил голову и прижался к его тёплой руке.

Веки мастера потяжелели и начали опускаться: маковый настой действовал. Я помог учителю улечься поудобнее и натянул на него одеяло.

– Спи спокойно, мастер.

Притушив фонарь на столе, я взял свою лампу и направился к двери.

– Постой.

Мастер Бенедикт смотрел на пламя лампы и мерцающие струйки дыма, поднимающиеся над стеклом.

– Завтра День королевского дуба, – сказал он.

– Э... Да. День рождения короля.

– И твой тоже.

Он не забыл.

– Вы с Томом набрали дубовых веток?

– Сегодня утром.

Неужели он остановил меня ради этого? Внезапно мастер Бенедикт спросил почти шёпотом:

– Я слишком много от тебя требую?

О чём это он?

– Мастер?..

– Никто и никогда не позволял тебе выбирать, – сказал он. – Наставники в приюте заставляли тебя учиться. Гильдия заставила пройти испытания. Я привёл тебя сюда. Ты ни

разу не делал выбор сам. – Мастер Бенедикт посмотрел мне в глаза. – Если б я предложил отослать тебя, чтобы ты сам выбирал свою дорогу... – продолжал он. – Отослать куда-то, где ты был бы в безопасности, где никто не причинил бы тебе зла... ты бы согласился?

Вопрос ошеломил меня. Разве мастера позволяют ученикам хоть что-нибудь решать самим?.. Потом я вспомнил их разговор с Хью.

«Нам придётся сделать выбор. В ближайшее время».

Четыре месяца назад, когда начались убийства, мы с Томом сперва поддразнивали друг друга, говоря, что последователи культа придут по нашу душу. Но смеяться быстро расхотелось, ибо реальность происходящего начала угнетать нас. Сегодня в лавке, когда я был один в темноте, я по-настоящему испугался. И боялся до сих пор. Мне и правда хотелось уехать – в безопасное место, где нет ни Стабба, ни убийств, ни культа. Но хорошо бы, если б мы уехали вместе. Оставить мастера Бенедикта? Я не мог. И не стал бы.

Я ответил уверенно – потому что мастер Бенедикт знал, что это правда:

– Нет. Я благодарен за ту жизнь, которую вы мне дали. Что бы ни случилось, я хочу остаться с вами.

Он не ответил. Я ждал у двери, не понимая до конца, хочет ли он, чтобы я ушёл. Мне казалось, что он тоже этого не понимает. Наконец учитель заговорил:

– У меня есть кое-что для тебя.

Мастер указал на небольшой пакет, завернутый в льняную ткань, который лежал на одной из стопок книг.

– Что это? – спросил я.

– Подарок.

Я изумился. Последние два года в День королевского дуба мастер Бенедикт приносил на ужин мою любимую свежую жареную свинину. Сам он съедал немного – в основном с удовольствием наблюдал, как я набиваю рот нежным белым мясом и слизываю жир с пальцев. Я всегда полагал, что свинина – это особое кушанье для праздников, и удивлялся: неужели он покупает её специально ради меня?..

Но это... Никто и никогда не дарил мне настоящий подарок.

– Можно... Можно мне его открыть?

– Полагаю, сейчас уже за полночь. Так что формально «завтра» превратилось в «сегодня». – Он кивнул. – Открывай.

Я потянул за ткань, и она развернулась.

У меня перехватило дыхание.

Внутри лежал отполированный серебристый кубик, немного больше моей ладони. На одной из его граней металл был украшен тонкой гравировкой в виде нескольких кругов.

Трясущимися пальцами я перевернул его. На каждой грани находился символ – всего пять разных знаков:

– Он красивый, – сказал я.

– Ты узнал металл?

Я постучал ногтем по одной из граней. Это не серебро. И на олово не похоже. Я подкинул кубик на ладони. Он весил чуть больше сливы.

– Сурьма?

– Хорошо. Также известна как?..

– Чёрный дракон. Некоторые говорят, что она обладает мистическими свойствами. Но если её проглотить, тебя стошнит.

– Отлично.

Я прижал кубик к груди.

– Огромное спасибо.

– Не спеши. – Глаза учителя блеснули. – Это только половина подарка.

У меня отвисла челюсть.

– Есть ещё что-то?

– Остальное ты получишь, если сможешь его открыть.

Сперва я не мог взять в толк, о чём он говорит. А затем сообразил, что речь идёт о кубике.

– Он открывается?

Я поднёс кубик ближе к свету. На четверть дюйма ниже грани шла едва заметная линия – такая тонкая, что её едва можно было разглядеть. Я попытался подцепить грань-крышку и открыть её, но она не сдвинулась с места.

– А как...

Мастер Бенедикт улыбнулся.

– Я же сказал тебе: остальное получишь, если сумеешь открыть.

Я потряс кубик. Внутри что-то загремело.

– И что там?

– Если я отвечу, то испорчу сюрприз, верно? Но, пожалуй,

тебе пригодится небольшая подсказка.

Мастер Бенедикт уже засыпал. Его голос сделался едва слышным.

– Так вот. Ключ внизу, где-то в лавке. А это, – он указал на книгу, на которой прежде лежал кубик, – поможет тебе найти его.

Пятница, 29 мая 1663 года

День королевского дуба

Глава 5

Стук в парадную дверь заставил меня подпрыгнуть. На миг подумалось: это люди, напавшие на учителя, пришли докончить дело. Впрочем, маловероятно, что они стали бы стучать.

Я повернулся на стуле, прижав пальцем страницу книги, которую дал мне учитель. Ставни по-прежнему были закрыты, и дверь заперта. Я ждал.

Снова стук. Потом голос:

– Кристофер! Ты там? Пусти меня.

Я открыл дверь. Том стоял на пороге, сгорбившись и пытаясь полой плаща прикрыть от дождя свёрток из шерстяной ткани. Я настолько увлёкся чтением, что потерял чувство времени. Было ещё темно, серело мрачное пасмурное небо, но ночь давно закончилась.

Том прошёл мимо меня, стремясь в тепло лавки.

– Ну наконец-то!

– Который час? – спросил я.

– Не знаю. Восемь. Может, девять. Крик шести часов был

давным-давно. – Он вздрогнул. – Тьфу! Ненавижу холод. – Том встряхнул плащ, и по полу раскатились ледяные шарики.

– Это град? – сказал я. – Уже почти июнь.

– Это знамение. – Том подошёл к камину, где горело одинокое бревно. Он положил свой свёрток на стол и поднёс руки к огню. – Вчера было ещё одно убийство.

– Знаю.

Я рассказал Тому о визите Стабба и о том, как учитель вернулся поздно ночью, раненый.

Глаза Тома расширились.

– Это культ?

– Он не сказал мне, – отозвался я. – Но вряд ли это были обычные грабители. Он пришёл обожжённый.

Том вздрогнул и осенил себя крестом.

– В городе становится совсем скверно.

Вероятно, он был прав. Град в конце мая казался предзнаменованием. Хотя мне хотелось бы, чтобы божьи предупреждения выглядели немного понятнее. Неужели Всевышнему так сложно написать на облаках: «ХВАТИТ ВОРОВАТЬ СЛАДКИЕ БУЛОЧКИ»? Ну, или что-нибудь в этом роде...

Я кивнул на свёрток, который принёс Том.

– Что здесь?

Он улыбнулся, уже позабыв о своих несчастьях.

– А ты открой.

Я развернул шерстяную ткань, и меня окутал запах тёп-

лых яблок и корицы. Внутри лежал свежеиспеченный пирог с витой румяной корочкой. Пар ещё поднимался из дырочек, оставленных цветочными лепестками.

– С днём рождения, – сказал Том.

Жизнь становилась всё лучше и лучше. Я обнял Тома. Не исключено, что я оставил слюни на его рубашке... Но тут же мне в голову пришла новая мысль.

– Ты украл пирог из отцовской пекарни?

Том сделал обиженное лицо.

– Разумеется нет!

– В самом деле?

– Ну... возможно, я его позаимствовал.

– Позаимствовал? То есть мы его вернём?

Он подумал минутку.

– В каком-то смысле.

– Что, если твой отец узнает? Он тебя отлупит.

Том пожал плечами.

– Он в любом случае меня отлупит. Так почему хотя бы не насладится пирогом?

– Том!

Он ухмыльнулся.

– Шучу. Мама разрешила испечь его для тебя. Давай есть.

Так мы и сделали, пригоршнями засовывая в рот лакомство. Я оставил кусок для учителя, который любил вкусные пироги почти так же сильно, как и я. Остальное мы слопали. Пожалуй, это был самый вкусный пирог из всех, что я про-

бывал, – и не только потому, что Том испёк его специально для меня. У него и впрямь были золотые руки. Когда Том брался за дело в семейной пекарне, он затмевал даже своего отца.

Я слизнул с пальцев последние крошки, а Том мастерски рыгнул. Я попробовал повторить этот подвиг, но у меня вышло лишь слабое подобие его потрясающей отрыжки.

– Жалкая попытка, – прокомментировал Том.

Тут он заметил книгу, которую я оставил на стуле у камина, и скривился.

– Вот дьявол! Ты учишься? В свой день рождения?

– Это не для работы, – сказал я. – Мастер Бенедикт сделал мне подарок. – И я с гордостью продемонстрировал Тому кубик из сурьмы.

Том был впечатлён.

– Он подарил тебе его? Эта штука, должно быть, стоит целое состояние. – Он погромел кубиком, прислушиваясь к звукам. – А что внутри?

– Вот это я и пытался выяснить. Гляди. – Я перевернул куб, показав Тому верхнюю грань.

– И что это? – спросил он.

– Наша Вселенная. Солнце, Земля и пять других планет.

Каждый большой круг символизирует орбиту.

– О! О, ясно, они крутятся. – Том провёл пальцем по фигуре в центре. – А почему к Земле приделаны треугольники? Они обозначают горы?

– Это не Земля, – сказал я. – Это Солнце.

– Почему Солнце в центре?

– Потому что оно там находится.

– Правда? – Том нахмурился. – Кто такое сказал?

– Автор. – Я протянул ему книгу.

Том, прищурившись, обзрел обложку.

– Сис... Система... Что это?

– Systema Cosmicum, – прочитал я. – Это на латыни. Значит: «Космическая система». Тут говорится, что Солнце в

центре Вселенной, а все планеты крутятся вокруг него.

Со скептическим выражением лица Том полистал книгу и открыл титульную страницу.

– Галилео Галилей. Какое-то католическое имечко, – неодобрительно заявил он.

– Просто посмотри на фигуры, ладно? Солнце расположено в центре, и шесть планет вращаются вокруг него. Ближайшая – Меркурий. Потом Венера. Потом Земля – видишь, этот маленький кружочек обозначает Луну. Потом Марс, Юпитер и Сатурн. Все они здесь.

Том повертел куб.

– Так что же это за символы?

– Планеты.

Я вынул лист пергамента, заткнутый за заднюю обложку книги и исписанный ровным знакомым почерком мастера Бенедикта.

Символы планет

Земля

Юпитер

Марс

Венера

Меркурий

Сатурн

Том перевёл взгляд с пергамента на куб.

– Но здесь только пять символов, – заметил он. – Юпитер, Венера, Сатурн, Земля, Марс. Меркурия нету.

– Верно, – сказал я. – А теперь взгляни снова на верхнюю грань. Первый круг, ближайший к Солнцу. Там, где должен быть Меркурий – чёрная точка.

Том посмотрел.

– Ой. Тут дырка.

– Думаю, в этом суть. Отсутствующий символ и есть ключ. – Я указал на полку позади нас. Там стояла керамическая банка размером чуть поменьше, чем её соседки. – Можешь достать?

Том любезно встал и схватил банку одной рукой. Взгляд его стал удивлённым.

– Какая она тяжёлая!

Я вынул из-за прилавка пустую кружку и открыл банку.

– Это ртуть, – объяснил я.

Я опрокинул банку над чашкой, осторожно осушив её.

Вылилась блестящая серебряная жидкость.

Том был поражён.

– Как ты её растопил?

– Она такая и была. И она не горячая. – Я опустил в ртуть палец. – Смотри. Ты можешь её потрогать.

Том осторожно протянул палец. Он едва коснулся ртути и тут же отдернул руку. По поверхности пошли дрожащие волны, которые, впрочем, тут же исчезли. Том попробовал снова, на сей раз опустив палец глубже.

– Какая странная. Ни на что не похоже. Она вообще почти не чувствуется. Для чего это надо?

– Для лечения болезней – таких, знаешь, очень неприятных, которыми можно заразиться от... ну ты понял. Но сейчас нам нужен ключ! Я перевернул банку над чашкой.

Ничего не произошло.

– Можно аплодировать? – спросил Том.

Я, нахмурившись, заглянул в банку.

– Здесь ничего нет.

– А должно быть?

– Я думал, что ртуть – это ключ. Потому настоящее её название – «меркурий». – Я потряс чашку, пытаюсь понять, не вылилось ли в неё что-нибудь вместе с жидким металлом. – А дыра находится как раз на месте планеты Меркурий.

– Умно́, – сказал Том, глядя на куб, – но я не понимаю, как ты всунешь сюда ключ. Отверстие слишком маленькое. И круглое. Не бывает круглых ключей.

Том был прав. Круглых ключей не существует. Как бы на них сделали зубцы? Но мастер Бенедикт уверял, что ключ есть и что он в этой комнате...

И тут меня осенило.

– Том! Ты гений!

– Да?

Я указал на дыру.

– Как бы ты вставил сюда ключ?

– Я ж сказал: никак. Дырка маленькая. Нужно то, что проскользнёт внутрь...

Его глаза расширились, когда я поболтал кружку, расплескав немного ртути.

– Жидкий ключ? Как такое может быть?

– Давай узнаем.

Том крепко сжал куб, чтобы придать ему устойчивости, а я осторожно наклонил кружку. Три капли жидкого металла выплеснулись на поверхность и, превратившись в крохотные серебряные шарики, покатались по бороздкам. Достигнув дыры, они проскользнули внутрь. Однако ничего не произошло.

– Может, надо больше ртути? – предположил Том?

Я снова капнул на поверхность куба. А потом ещё раз.

Клик!

Тонкая щель, обводящая верхнюю грань, расширилась.

Осторожно подняв крышку, я заглянул внутрь.

И ахнул.

Глава 6

Том навис надо мной.

– Что это? Что это?

Я вынул содержимое и положил на прилавок. Это была блестящая монета. Из настоящего серебра.

Том выпучил глаза.

– Шиллинг! Тебе подарили шиллинг!

Шиллинг. Целых двенадцать пенсов. Я богат!

Монета была совершенно новой, с отчеканенным на ней профилем короля и надписью по кругу: CAROLUS II DEI GRATI – «Карл II милостью Божьей». Праздник королевского дуба был днём его коронации и одновременно днём рождения. А ещё – моим днём рождения.

Я сам засиял как новенькая монета.

Том взял шиллинг, любуясь им. Я снова заглянул в кубоголоволомку.

– Посмотри-ка.

Внутри кубик тоже был из сурьмы, за исключением одной стенки напротив крышки. Вправленное в неё стекло позволяло увидеть запирающий механизм. Ртутные шарики скапывались по желобку к рычагу, расположенному внизу. Когда мы налили достаточно ртути, под её весом рычаг сдвинулся, открыв защёлку.

– Блестяще! – сказал Том.

Здесь было даже больше, чем казалось. Мастер Бенедикт любил прятать одни вещи внутри других. Шифры внутри шифров, замки с головоломками. Вот и тут тоже: в моём подарке на день рождения – второй подарок. А плюс к тому полезный урок о символах.

«Нет, – подумал я. – Не просто урок».

Прошлой ночью мастер Бенедикт колебался, прежде чем отдать мне подарок. Он спросил, хочу ли остаться с ним, несмотря на опасность, которой он подвергался. И даже когда я ответил ему «да», он ещё не был до конца уверен. Он приготовил мне подарок, но до последнего момента не мог решить, отдавать ли его.

Куб, книга, его слова, головоломка... Тут больше, нежели урок. Это проверка.

Но проверка чего?

Я провёл кончиком пальца по канавкам на грани кубика. Том сказал, что он стóит больших денег, но для меня это не имело значения. Не знаю, почему мастер Бенедикт вручил мне его, но тут было нечто большее, чем просто подарок на день рождения. И я б жил на улице и голодал, но не продал бы кубик.

– Подожди здесь, – сказал я.

Я поднялся наверх, в комнату учителя. Он ещё спал; его грудь медленно вздымалась и опадала. Я не стал его будить, а просто оставил на столе рядом с кроватью кусочек яблочного пирога. Вернувшись в лавку, я положил открытый куб на

прилавок рядом с книгой мистера Галилея – там, где мастер Бенедикт обязательно его увидит.

Том всё ещё поглаживал шиллинг.

– Что ты будешь с ним делать?

– Не знаю, – ответил я. – Может, пойду и поищу лучшего друга, который посоветует, как его потратить.

– Я лучший друг!

– О? Ну, и как ты думаешь, что купить?

– Может, замороженные сливки? – с надеждой спросил Том.

– Сегодня? И так холодно.

– Я люблю холод.

– Ты недавно сказал, что ненавидишь его.

Том изобразил возмущение.

– Я никогда такого не говорил!

– Ладно.

Том просиял.

– Но надо сберечь пенни, – прибавил я.

– На что? – спросил он.

– Как на что? – я ухмыльнулся. – На яйца.

* * *

Шиллинг – это много денег, но в день праздника деньги исчезают быстрее, чем вы можете ожидать.

Ближе к полудню дождь прекратился. Вымощенные бу-

лыжником улицы были покрыты грязью, и, поскольку дождь не помог вычистить водостоки, они воняли так же жутко, как и всегда. Однако тучи разошлись, и город осветился солнцем. Повсюду висели полотнища ткани, растянутые между балконами, – разноцветные, узорчатые, они были украшены гербом короля. Толпы заполняли улицы; люди толкались, стремясь поглазеть на достопримечательности, сады и праздничные представления: тут были артисты, жонглёры, акробаты, музыканты и даже танцующие лошади. И пусть сегодня был день отдыха, это не касалось уличных торговцев. Они высыпали на улицы и каркали, словно вороны, пытаясь всучить за огромные деньги праздничные товары, которые в ином случае люди ни за что не купили бы.

Я в жизни своей ничего не покупал, поскольку у меня никогда не было денег. Те несколько фунтов, что я унаследовал в детстве, владельцы приюта припрятали и затем оплатили мой вступительный взнос в гильдию. Так я стал учеником, а ученики не получают жалованье. Что касается Тома – его родители продали немало пирогов, но Тому ничего не перепало, ибо его отец был прижимистым – и твёрдым, как зад епископа.

Итак, шиллинг разошёлся. Первые четыре пенни я потратил на две порции апельсиновых замороженных сливок. Кондитер даже позволил нам изготовить их самостоятельно. Том яростно крутил ручку мешалки, которая взбивала сливки с молоком, сахаром и апельсиновой водой, – в ведре, по-

гружённом в подсолённый лёд. Это было так вкусно, что я купил третью порцию, на сей раз с мёдом и лимоном, и мы с Томом поделили её пополам. Затем два пении ушли на солёную лакрицу и горсть жевательного чикли, привезённого прямоком из Нового Света. Ещё два – на обед: горячая ягнятина с пряным картофелем и горохом в чесночном масле. Итак, осталось два медяка. Один предназначался для покупки полдюжины тухлых яиц, другой прожигал дыру в моём кармане.

Яйца, конечно, нужны были не для еды. В День королевского дуба каждый носил на одежде дубовую веточку, празднуя возвращение нашего монарха Карла II – весёлого короля; Господь спас его жизнь, когда он прятался на дубе от изменников-пуритан. По прошествии десяти лет изгнания и невзгод наш король вернул себе трон в 1660 году – после смерти тирана Оливера Кромвеля и падения правительства жестоких, суровых пуритан. Теперь в Лондоне снова можно было устраивать праздники и веселиться.

Сегодня дома могли сидеть только самые скучные люди – ну, и, я полагаю, пуритане. Думаю, им было неприятно видеть, как дети танцуют вокруг майских шестов, а возглавляющая их девушка размахивает дубовым посохом с надетым на него выбеленным на солнце черепом пуританина. Как и всем остальным, пуританам следовало носить на груди веточку дуба – иначе они рисковали, что их закидают всякой гадостью. В основном для этой цели использовали гнилые

фрукты и овощи. Ну, и грязь, разумеется. Но я всегда полагал, что наилучший эффект производят тухлые яйца.

Проблема заключалась в том, что за три года, прошедшие с возвращения короля, все уже усвоили урок. Никто не осмеливался выходить на улицу без дубового украшения. Один раз нам почти повезло: у какого-то джентльмена его веточка отвалилась от камзола. Но к тому времени, как мы пробились к нему, он успел поднять её из грязи и вернуть на место, предварительно получив удары пятью снарядами: четыре помидора и луковица.

К концу дня я окончательно потерял надежду.

– Это ужасно. И что мне теперь делать с полудюжиной тухлых яиц?

– Может, использовать для одного из ваших лекарств? – предложил Том.

Я собирался было возразить, но замолк на полуслове.

– В чём дело? – спросил Том.

Дело было в Натаниэле Стаббе. Я увидел его на другой стороне Ломбард-стрит. Он проталкивался сквозь толпу, отпихивая детей, когда те подходили слишком близко к его серебряной трости.

У меня закипела кровь. Мастер Бенедикт утверждал, что на него напал не Стабб. Я не до конца поверил ему, и, честно говоря, это не имело значения. Я жаждал мести. А сейчас у меня были и возможность, и жертва.

Я бросил взгляд на его грудь – и не сумел сразу поверить

в свою удачу. Ещё один подарок на день рождения – на этот раз от самого Бога.

Я схватил Тома за руку.

– Он не носит дуб!

– Вообще-то носит. – Том ткнул пальцем.

Я сник. Дуб действительно был. Абсурдно маленькая – какая-то жалкая – веточка болталась на груди Стабба. Булавка ослабла, и ветка едва держалась на камзоле.

Едва держалась?..

Том знал этот мой взгляд.

– Нет-нет-нет.

– Да-да-да, – сказал я.

– Нечестная игра.

– Бог рассудит, – отозвался я. – А теперь иди и сбей ветку.

В глазах Тома мелькнула паника.

– Я? Ни за что!

– Мне нельзя. Он знает, кто я такой. Ну, на самом деле, наверное, снова забыл... но всё же.

– Если он знает тебя, то может знать и меня, – сказал Том. – Забудь об этом.

– Пожалуйста, – заканючил я. – Ну пожааалуйста! Он уходит.

Но Том скрестил руки на груди и не двинулся с места.

И тогда у меня возникла идея. Отличная идея.

Я побежал вперёд. Том нехотя последовал за мной. На углу трое местных мальчишек лет девяти-десяти играли в ры-

царский турнир, мчась навстречу друг другу с копьями из кленовых веток. Девочка того же возраста сидела на ступенях рыбной лавки; запах, казалось, не волновал её. Она наблюдала за «турниром», накручивая на палец прядь каштановых волос и глядя серую дворовую кошку, мурлыкавшую у неё на коленях.

– Привет, – сказал я.

Мальчишки остановили игру и посмотрели на нас с опаской; я держал в руках яйца, а Том возвышался над всеми нами как башня. Один из мальчишек – худой и жилистый – подался в нашу сторону, демонстрируя боязливость и отвагу одновременно.

– Чего надо?

Я указал на Стабба на другой стороне улицы.

– Сбей с него булавку, и я дам каждому из вас по яйцу – сможете бросить.

К его чести, мальчик обдумал предложение. К сожалению, опасная серебряная трость выиграла битву.

– Не. Он ударит меня.

– Не ударит, если будешь достаточно проворен, – сказал я. Но он покачал головой.

Донельзя разочарованный, я повернулся, собираясь уйти.

– А я тебя знаю, – произнёс высокий голос.

Говорила девочка, сидевшая на крыльце.

– Ты был в госпитале Христа.

Это удивило меня. Среди сирот в госпитале Христа бы-

ло не так уж много девочек, и жили они отдельно. Мы видели их в основном во время еды, когда старшим детям назначались различные обязанности – помогать воспитателям и присматривать за младшими. Меня отправили на кухню – варить супы под присмотром главного повара, Седли, который очень любил колотить подручных по лбу длинной деревянной ложкой, если они совершали ошибку. Я получил достаточно ударов ложкой по черепу, чтобы стать настоящим докой в заправке супа.

По сути дела эти самые супы и поспособствовали тому, что я сделался учеником аптекаря. Время от времени в приют приезжали высокопоставленные гости. Однажды в воскресенье, когда мне было девять лет, в госпиталь Христа прибыли на обед три члена совета гильдии аптекарей. Когда я подавал суп, один из них – Освин Колтерст – подозвал меня.

Я был в полном восторге от аптекарей. Из того немного, что я о них читал, складывалось впечатление, что они обладали почти магическими талантами. Наш директор, преподобный Тальбот, всегда относился к гостям с почтением, а перед членами совета гильдии он просто-таки благоговел. И я сделал вывод, что они – чрезвычайно могущественные люди.

Хотя Освин был младшим из членов совета, мне он казался самым примечательным среди всех троих. Он брил голову налысо и – вопреки общей моде – не носил парика. Посмотр-

рев на меня умными глазами, Освин проговорил:

– Мне сказали, что это тебя надо благодарить за вкусную еду.

Стараясь не смотреть на его выбритую голову, я пролепетал:

– Я всего лишь сварил бульон, мастер Колтерст...

– Бульон – лучшая часть. Кажется, ты разбираешься в травах.

Вероятно, он просто решил проявить доброту к мальчику-сироте: человек его положения, должно быть, обычно ел в гораздо лучших местах, чем столовая госпиталя Христа. Но я раздулся от его похвалы.

– Спасибо, мастер.

Преподобный Тальбот с поклоном сказал:

– У Кристофера осталась небольшая сумма от его наследства. Мы планируем использовать эти деньги, чтобы выучить мальчика на повара.

– Если у него есть средства, – ответил Освин, – почему бы не отправить его в нашу гильдию?

Преподобный Тальбот, казалось, изумился не меньше, чем я сам. Освина позабавило выражение наших лиц.

– Вы думаете, что только высокопоставленные люди могут стать аптекарями? – сказал он. – Напротив. Всё, что нам нужно, – это дисциплинированный ум, уважение к природе и желание учиться. – Освин указал на меня ложкой. – Такие мальчики, как Кристофер, именно то, что требуется нашей

гильдии: простые англичане, которые выросли, усердно работая. – Освин вернулся к своей трапезе. – Подумайте об этом, преподобный, – прибавил он.

Вот эта-то случайно брошенная фраза и определила мою дальнейшую жизнь. На следующий же день моя учеба – и заодно побои, которые я получал за неуспехи в ней, – сделались в два раза интенсивнее. Преподобный Тальбот не мог допустить, чтобы я опозорил школу, провалив вступительный экзамен в гильдию аптекарей.

Я взгляделся в лицо девочки на ступеньках. Приют я покинул три года назад, значит, ей было шесть или семь лет. Большие зелёные глаза и слегка вздёрнутый нос с бледными веснушками на переносице... Я её помнил. Зимой того года, когда я покинул приют, я помогал сиделкам ухаживать за ней. У девочки была ужасная лихорадка, и я три недели кормил её куриным бульоном. Её зовут... Сюзанна? Сара?

Тут меня озарило.

– Салли.

Она покраснела, довольная, что я вспомнил её.

– Что с тобой случилось? – спросила она.

– Я ученик. Мастера аптекаря Бенедикта Блэкторна, – с гордостью отозвался я.

Она удовлетворённо кивнула.

– Сколько тебе осталось жить в приюте? – спросил я её.

– Ещё год. А потом я стану служанкой. Или ... – Салли пожала плечами.

Я понимал, что она имеет в виду. Воспитатели как могли старались пристроить детей, когда тем исполнялось одиннадцать лет, но не у всех получалось найти работу или пойти в ученичество. Те, кому не удавалось... ну, жизнь была к ним не ласкова. Я помнил, как мало питал надежд, живя при госпитале Христа. У Салли вряд ли было даже это.

Я сунул руку в карман, вытащил последний из моих пенсов и протянул ей.

– Вот.

Глаза Салли расширились. Трое мальчишек уставились на неё. Один даже сделал шаг вперёд, но Салли грозно встала на пороге. Кошка соскочила с её колен и умчалась за угол, по пути опрокинув плетёную корзинку.

Салли сжала медяк в кулаке. Она смотрела на свои пальцы, словно боясь, что монета может вытечь сквозь них. Я повернулся, собираясь уйти.

– Постой.

Салли кивнула в сторону Стабба; тот стоял в переулке, с нетерпением ожидая, когда мимо пройдёт процессия ярко раскрашенных овец.

– Что он сделал?

– Угрожал моему учителю, – ответил я.

Она протянула руку.

– Дай мне яйцо.

Я посмотрел на серебряную трость Стабба. Мне доводилось ощущать на себе её жалящие удары.

– Ты не обязана...

– Я хочу.

Я протянул ей одно яйцо. Салли покатила его в пальцах. Она старалась не встречаться со мной взглядом.

– Ты варил хороший суп, – тихо сказала она, а потом пересекла улицу.

Трое мальчишек тоже пожелали получить яйца. Все вместе мы двинулись вперёд и спрятались за каретой, оставленной на тротуаре. Том, стоящий дальше всех, имел недовольный вид и бормотал что-то о правилах и установлениях.

Если бы я не смотрел во все глаза, то не заметил бы, как Салли это сделала. Она метнулась мимо Стабба и небрежным движением смахнула дубовую веточку. Та отлетела и приземлилась на булыжники.

В следующий миг Салли крикнула:

– Он не носит дуб!

Стабб не сразу сообразил, что происходит. Затем он понял, что все смотрят на него. Он ухватился за грудь, но пальцы нащупали только пустую булавку. Стабб в отчаянии глянул на землю.

Я швырнул яйцо первым. Оно разбилось о плечо Стабба; склизкая жёлтая масса залепила ему ухо. Он отшатнулся, словно в него выстрелили из мушкета.

Яйцо Салли ударило Стабба в шею, разбрызгавшись и перемазав воротник. Трое мальчишек тоже метнули свои снаряды. Один промахнулся, поразив и без того раздражённую

овцу, но двое других попали в цель – в руку и бедро.

Окружающие люди присоединилась к нам, закидывая Стабба всем, что подворачивалось им под руку. Лучше всего выступил Том. Он стоял далеко, я сомневался, что его яйцо вообще долетит, но оно пронеслось между поднятыми руками убегающего Стабба и вlepилось ему прямо в макушку.

Я хохотал как сумасшедший. Даже Том выглядел довольным. Я проорал:

– Да здравствует король! – И мы кинулись наутек.

* * *

Мы протолкались сквозь толпу, стремясь убежать подальше от возникшего хаоса. Мы отлично повеселились, но, восстановив справедливость, мы вовсе не хотели, чтобы нас поймали. Праздник или не праздник – но Стабб был членом гильдии, мастером, а я – всего лишь учеником. Его слово против моего: разумеется, он окажется правым, а я виноватым. И всё-таки я радовался. Особенно потому, что размазавшиеся по Стаббу яйца были куплены на деньги, полученные от моего учителя.

– Это лучший день в моей жизни, – сказал я.

Том оглядел толпу, выясняя, не гонятся ли за нами.

– Что теперь?

– Не знаю. – Я привалился к стене лавки стеклодува, с трудом переводя дыхание. – У нас больше нет денег. Может,

петушинные бои в парке? Или сходим в Тауэр и ещё раз поглядим на королевский зверинец? Нет. Постой!

Я сообразил, что, убегая, мы оказались в соседнем приходе. Дом Хью был совсем недалеко.

– Прошлой ночью мастер Хью ушёл вместе с мастером Бенедиктом, – сказал я Тому. – Может, он знает, кто напал на учителя?..

– Предатели! – крикнул хриплый голос позади.

Я обернулся, испугавшись, что Стабб выследил нас. Но вместо упитанного аптекаря увидел какого-то безумца с обветренным морщинистым лицом. Он не носил парика. Его волосы растрепались, а изодранные лохмотья едва прикрывали заросшее коростой тело.

Глядя на нас выпученными глазами, он снова повторил:

– Предатели! – А потом, ринувшись вперёд, схватил меня за руки. Из его оскаленного рта с почерневшими зубами воняло протухшим мясом. – Среди нас есть предатели!

Я понимал, что люди смотрят на меня, и попытался вырваться, но хватка у безумца была железная.

– Отвяжись! – сказал я.

– Ты их знаешь? Ты видишь? – Мужчина встряхнул меня. – Культ Архангела вышел на охоту. Кто его добыча?

Том попытался вклиниться между нами, вцепившись в куртку безумца, но даже сильные руки моего друга не могли оторвать его от меня.

– Они не те, о ком ты думаешь, – прошептал мужчина,

покосившись на зевак. – Это не их лица!

Тому наконец удалось оттолкнуть сумасшедшего, и тот растянулся на булыжниках, извозив в грязи и без того запачканные изношенные штаны.

– Береги себя! – умоляюще сказал человек. – Грядут перемены. Божий гнев сожжёт всех нас. Смотри! Вот едет его генерал!

Он указал куда-то за наши спины, но Тому всё это уже порядком поднадоело. Он втащил меня в толпу, потешавшуюся над умалишённым.

– Спасибо. – Я растёр руки. Они все ещё болели в тех местах, куда впились пальцы безумца.

Том оглянулся через плечо, проверяя, не увязался ли сумасшедший за нами.

– Ты в порядке?

Честно говоря, я ещё не опомнился толком от пережитого потрясения.

– Что это было?

– О чём ты? – удивился Том. – Тот человек просто не в своём уме.

– А ты не слышал, что он сказал?

«Грядут перемены». Мне вспомнились слова Стабба. Простой ночью аптекарь говорил то же самое.

Том рассмеялся.

– Мало ли. Он мог с тем же успехом поведать, что Луна сделана из сыра.

Толпа вокруг нас загудела. Сперва я решил, что дело в безумце, но нет: что-то происходило на противоположной стороне улицы. Том вытянул шею, глядя поверх людских голов. Внезапно он схватил меня за локоть.

– Смотри!

Я забрался на какой-то ящик и теперь тоже увидел. Приближались двое солдат в лёгких кожаных доспехах; каждый вооружен палашом и кремневым пистолетом. Их суконные накидки были украшены на груди изображением королевского герба. И хотя плотная толпа перегораживала дорогу, она тотчас расступилась, пропуская человека, который следовал за солдатами.

Его богатая одежда была искусно пошита – чувствовалась рука настоящего мастера-портного. И всё же дорогой атлас смотрелся на нём неуместно – словно кто-то попытался разодеть пантеру. Подобно королевским ратникам, идущим впереди, он тоже был вооружён – тяжёлым, побывавшим в боях палашом и пистолетом с изукрашенной жемчугом рукоятью. Люди замолкали под тяжёлым взглядом его глаз, похожих на глубокие чёрные колодцы. Левую сторону лица покрывали кривые шрамы, потянувшиеся от носа до самой шеи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.